

Ольга МурОльва
(мисОльва)

КРУАССАНЫ
с шоколадом
или
там, где ты — мой дом

18+

Ольга Мирольва

Круассаны с шоколадом.

Там, где ты - мой дом

<https://litres.ru/74573733>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она потеряла всё изза него.

Он привык, что мир подчиняется его правилам.

Но судьба решила свести их снова — там, где никто не сможет спрятаться.

Варя лишилась работы и репутации в один день.

Все двери закрылись, телефоны молчат, а её имя внезапно стало токсичным.

Когда кажется, что выхода нет, ей предлагают новую работу в доме мужчины, который разрушил её карьеру.

Он не умеет просить прощения.

Она — больше никому не верит.

Но под одной крышей невозможно скрыть правду, боль и чувства, которые слишком долго отрицали.

История о силе, предательстве, искуплении и любви, которая приходит тогда, когда её меньше всего ждёшь.

#противостояние_характеров #slow_burn
#харизматичный_герой #начальник_и_подчиненная #сильная_гг
#ребёнок #женский_роман

Ольга Мирольва

Круассаны с шоколадом.

Там, где ты - мой дом

ГЛАВА 1. КРУАССАНЫ

Офис "Мальцев Адвертайзинг" на Рождественской. Окна на Стрелку — туда, где Ока целуется с Волгой. Варя любила этот вид. Особенно когда солнце садилось и вода становилась расплавленным золотом. Но сейчас было утро, и Волга казалась серой, усталой, как она сама после бессонной ночи.

Варя провела ладонью по волосам — они, как обычно, не слушались, выбиваясь из пучка тонкими прядями. Под глазами легли тени, блузка чуть примялась под ремнём сумки. Лишь губы тронуты нюдовым тоном увлажняющей помады. Она никогда не стремилась к идеальности — и не умела, если честно. Но в этой лёгкой небрежности было что-то тёплое, живое. Настоящее. И именно эта естественность — невыдуманная, неглянцевая — почему-то притягивала взгляды сильнее любого макияжа.

Варя работала у Артёма уже больше двух лет. Сначала

всё было ровно — она устраивала работодателя своей исполнительностью, креативностью, знаниями. Но в какой-то момент его словно подменили.

— Старостина, отчёт когда? На том свете? — голос шефа раздался за её спиной внезапно, но она даже не вздрогнула — привыкла. Артём Мальцев имел привычку материализовываться из воздуха. Только без запаха серы — вместо этого дорогой парфюм с нотками кожи и табака.

— Доброе утро, Артём Владимирович, — не оборачиваясь, ответила Варя. — Отчёт у вас на почте с восьми.

Он обошёл стол и встал напротив, скрестив руки на груди. Сегодня — тёмно-синяя рубашка с закатанными рукавами, открывающая чёткие линии мышц. Аккуратная борода, которая закрывала чуть заметный шрам на подбородке. Глаза серые, тяжёлые.

— Не умничайте. Отчёт не читаемый. Графики не те, выводы размытые. Переделаете к обеду.

— Какие именно графики не те? — Варя откинулась на спинку кресла. — Я сверяла с прошлым кварталом. Динамика положительная. Если вам не нравится визуализация, я могу поменять цвета. Или вы про что-то другое?

Он замер. Взгляд скользнул по её лицу, задержался на губах: "Влажные... Она сегодня не успела накраситься, только брови слегка подчеркнула..." И резко отвёл взгляд в сторону. Варвара заметила. Это повторялось уже не впервые.

— Про то, что вы тратите время на выпечку вместо работы, — отрезал он. — В коридоре пахнет круассанами. Идиотский запах.

— Это шоколадные, — спокойно ответила Варя. — Я испекла их в шесть утра. До работы. И угостила коллег. А вы можете не есть. Вредно для фигуры. Особенно тем, кто с весом... так сказать, борется.

Он побелел. Не потому, что его задели — он выглядел прекрасно. А потому, что она посмела.

— Вы забываетесь.

— Ничуть. — Варя встала. — Я прекрасно помню, кто я и кто вы. Я делаю свою работу хорошо. Очень хорошо. А ваши личные предпочтения относительно моей внешности и моих круассанов, надеюсь, останутся в этом кабинете.

Она взяла планшет, но на пороге задержалась:

— Я переделаю отчёт к трём. Если вы напишете, что именно вас не устраивает. Конкретно.

Дверь закрылась мягко. Но в коридоре Варя прислонилась к стене и выдохнула. "Дурында. Он тебя уволит". Но где-то глубоко теплилось: "Нет, не уволит. Она нужна ему. Просто он не знает, как это признать".

Артём остался стоять посреди кабинета. Сжал спинку кресла так, что побелели костяшки пальцев. "Почему эта женщина, — думал он, — с этими вечно выбивающимися прядями, с живыми, не нарисованными чертами, притягивает сильнее, чем те, кто часами выстраивает образ? Она же не идеальна". Он знал, что её фигура далека от модельных 90–60–90. У неё были мягкие, плавные линии, как она сама однажды в шутку сказала. Тогда он сделал вид, что не слушает. А на самом деле запомнил. И с тех пор вспоминал чаще, чем следовало.

Встал, подошёл к окну. Волга текла своей дорогой — серая, спокойная, равнодушная. Он смотрел на реку, но видел другое: её лицо, её глаза — голубые с тёмно-серой радужкой. И то, как она поправляет вечно выпадающий локон — как-то так мило, и всегда с поволокой задумчивости.

"Идиотка, — повторил он про себя. — Самоуверенная, наглая, умная... красивая. Чёрт, какая же красивая... И эти её губы..."

На столе стояла чашка кофе. Это был когда-то эспрессо. Секретарь Леночка принесла ещё час назад, но он даже не взглянул на него. Сделал глоток. Остывший. Горький. Выпил до дна, не поморщившись.

Артём перестал позволять людям задерживаться в своей жизни дольше, чем нужно. Несколько месяцев — предел. Потом они уходили сами, или он помогал им уйти. Это было не жестокостью — это было выживанием. Он боялся хаоса. А люди — это всегда хаос. "Сколько она уже работает? — вдруг подумал он. — Два года. И не ушла".

И тут память выдала сцену.

ФЛЕШБЕК. КОМНАТА ОТДЫХА

Комната отдыха пахла кофе и выпечкой с корицей — Варя принесла вчерашний пирог. Она сидела на подоконнике, болтая ногой. Рядом устроился Левачий — старший дизайнер, вечно голодный.

— Варвара, — протянул он, жуя, — ты понимаешь, что с

такими талантами тебя надо в кондитерку? Я бы там жил.

— Ты и здесь живёшь, — хмыкнула она. — Третий кусок уже.

— Это уважение к труду. А ты чего такая задумчивая?

Варя посмотрела на своё отражение в стекле.

— Да так... Думаю. У всех девчонок фигуры как из журнала. А у меня... — она махнула рукой. — Мягкая геометрия. Плавные линии. Сто раз говорила себе: надо худеть. А потом пеку круассаны с шоколадом в шесть утра.

— Плавные линии — это красиво, — отрезал Левачий. — Ты как булочка бриошь: мягкая, тёплая, аппетитная.

— Спасибо, конечно, — рассмеялась она.

— Запомни рецепт идеальной самооценки: 100 грамм любви к себе, 80 грамм юмора и 110 грамм пофигизма. Перемешать — и готово.

Варя фыркнула.

— Это ты сейчас к чему?

— К тому, что твои 100–80–110 — это формула. Рабочая.

В этот момент дверь открылась, и вошёл Артём Владимирович. Он остановился, будто случайно услышал последние слова. Варя вскочила, смутившись.

— Мы... тут... обсуждали рецепты, — пробормотала она.

— Вижу... Угу... Плюшками баловались, — коротко ответил он, но взгляд его задержался на ней чуть дольше, чем следовало.

Тогда она не придавала этому значения. А он — запомнил.

1.1. ЛИФТ

Через час после утренней стычки с шефом Варя отправилась в типографию для обсуждения дизайна постеров по контракту. Зашла в лифт. Двери уже закрывались, когда внутрь шагнул Мальцев. Они остались вдвоём. Пять этажей. Целая вечность.

Он стоял слишком близко. Она чувствовала запах его парфюма. На третьем этаже лифт дёрнулся, её качнуло, и она схватилась за его руку. Твёрдую, горячую.

— Извините.

Он молчал. Когда двери открылись, бросил:

— К трём отчёт.

1.2. ПЛАНЁРКА

В конференц-зале собрался весь отдел. Варя представляла стратегию по новому клиенту. Она говорила уверенно, чётко. Артём смотрел. Не на презентацию. На Старостину. Волосы чуть растрепались. На запястье — след от резинки. Ногти — короткие, аккуратные, с бесцветным покрытием, без излишеств. Но в её голосе была уверенность, в жестах — энергия, в глазах — живой блеск. И Артём поймал себя на мысли: идеально сделанные женщины утомляют. А Варя — будит.

— Артём Владимирович? — она смотрела прямо на него.
— У вас есть вопросы?

Он не слышал почти ничего последние минуты три.

1.3. КУЛЕР

После планёрки Варя, выйдя от босса, наливала воду из кулера. Аллочка из бухгалтерии, типичная "светская львица" в розовом брючном костюме, с идеальной укладкой.

— Дорогая, — зашептала Аллочка, — ты бы поосторожнее с Артёмом Владимировичем. У него, знаешь ли, характер сложный. И вообще, он сейчас... не один.

— Мне нет до этого дела, — отрезала Варя.

— А ему до тебя есть, — Аллочка стрельнула глазами. — Ты не видела, как он на тебя смотрит? Весь офис обсуждает.

— Это ваши проблемы, что вам заняться нечем.

Варя развернулась и чуть не столкнулась с Артёмом, который стоял в двух шагах. Он смотрел на неё, потом перевёл взгляд на Аллочку.

— Алевтина Викторовна, — ледяным тоном сказал он, — у вас отчёт по налогам готов? Нет? Так займитесь делом.

Аллочка испарилась.

Варя стояла с пластиковым стаканчиком, чувствуя, как горит шея. Артём сделал шаг к ней, взял стаканчик из её руки,

одним глотком выпил воду и поставил на стол.

— Не тратьте время на сплетни, Старостина. Лучше работайте.

Он ушёл. А она осталась, глядя на пустой стаканчик. "Почему у меня сердце колотится? — подумала Варя. — Он просто выпил воду. Просто. Выпил. Мою. Воду".

Вечером Артём сидел один. Открыл её фотографию с корпоратива — общую, на заднем плане, но она смеётся, запрокинув голову. Он закрыл фото и открыл отчёт. Переделанный. Идеальный. Написал: "Принято". Стёр. Написал: "Хорошо". Стёр. Оставил: "Принято". И добавил: "Круассаны не берите больше. От них бока растут".

Варя ответила: "Это у вас, наверное, аллергия на шоколад. Или на мои старания".

Он хотел написать что-то резкое. Вместо этого улыбнулся. И тут же стёр улыбку, словно это было предательством. Он не знал, что это только начало.

ГЛАВА 2. ОБВИНЕНИЕ

В пятницу вечером офис уже выдыхал: кто-то собирал

бумаги, кто-то закрывал вклады, кто-то мечтал о пище и сериалах. Варя тоже. Она хотела забежать в магазин, купить продукты, приготовить лазанью, позвать брата с сестрой. Дом. Тепло. Нормальная жизнь. Она уже потянулась за сумкой, когда дверь её кабинета распахнулась без стука.

Вошли трое. Артём Владимирович, начальник службы безопасности — лицо-кирпич, челюсть как бетонная плита. И Гоша Нахабцев — прыщавый, с влажными ладонями, глазами, которые бегали так, будто искали выход из горящего здания. И воздух стал другим — плотным, тяжёлым, как перед грозой.

— Варвара Сергеевна, уделите минуту, — голос Мальцева был ледяным. Таким он бывал только тогда, когда собирался уничтожить кого-то словом.

Варя поднялась. Сердце ухнуло вниз, как лифт, у которого оборвался трос. Но лицо осталось спокойным — привычка.

— Конечно. Что случилось?

— Слив конфиденциальной информации, — начальник безопасности произнёс это так, будто уже держал в руках приговор. — Контракт на права трансляции баскетбольных матчей. Информация ушла конкурентам. Контракт потерян.

Девять миллионов убытка.

Тишина. Такая, что слышно, как у Гоши скрипит подошва о линолеум. Варя смотрела на Мальцева. Он — на неё. И в этом взгляде не было ни сомнения, ни попытки понять. Только усталое, горькое: "Я знаю, что ты виновата".

— По логам доступ был у четырёх человек, — продолжил "кирпич". — Трое — топ-менеджмент. И вы. Ваша учётная запись заходила в папку вчера в семь утра.

Семь утра. Варя закрыла глаза. На секунду. Этой секунды хватило, чтобы вспомнить всё. Ливень. Пробки. Холодные пальцы. Она влетает в офис, дрожит, торопится. Пароль — новый, дурацкий, который она путала через раз. Она набирает его медленно, по буквам. И Гоша, который "чинит принтер" рядом, стоит так, что видит её экран.

"Да нет, — подумала она тогда. — Паранойя. Он же свой".

Теперь он стоял у двери и смотрел в пол, будто там была инструкция, как жить дальше.

— Пароль знали ещё кто-то? — спросил начальник безопасности.

Варя молчала. Сказать "Гоша подсмотрел" — звучало бы как оправдание школьницы. Сказать "Я устала и ошиблась" — как признание вины.

— Я никому не говорила пароль, — сказала она наконец.
— Но у меня есть догадка, кто мог его узнать.

Гоша дёрнулся. Взгляды встретились — и он тут же спрятал глаза, покраснев до ушей. Артём стоял неподвижно. Только челюсть ходила, будто он сдерживал что-то внутри.

— Догадки — не доказательства, — отрезал начальник безопасности. — А факты — против вас.

Варя почувствовала, как ногти впиваются в ладонь. Боль помогала держаться. "Они уже всё решили. Теперь моя очередь доказывать, что я не верблюд". Она посмотрела на Мальцева. Он отвернулся к окну. Это ранило сильнее, чем обвинение.

— Я не делала этого, — сказала она тихо, но твёрдо. — Вы же знаете. Я билась за этот контракт полгода. Я летала в Москву. Я уговаривала этих людей. Зачем мне его сливать?

— Затем, что конкурент предлагал вам место, — подал голос Гоша. — Я видел, как вы разговаривали с их HR в ко-

фейне на Покровке. Две недели назад.

Варя моргнула. Раз. Два. Пытаясь понять, что она слышит.

— Это была случайная встреча. Он подошёл сам. Я отказалась. Вежливо.

— Доказательств нет, — подытожил начальник безопасности. — Но и оправдательных тоже.

— Варвара Сергеевна, — голос Мальцева был ровным, как лезвие ножа. — Вам придётся написать заявление по собственному. Чтобы не портить репутацию.

— Зачем? — Варя снова посмотрела на него. — Я не виновата.

Он молчал. Долго. Слишком долго. Потом развернулся и вышел. Даже не взглянув на неё. Гоша выскочил следом, как испуганный кот. Начальник безопасности вышел последним, с видом человека, который сделал доброе дело.

Варя осталась одна. Она не плакала. Не кричала. Просто стояла и смотрела в окно на Стрелку. На линию, где Ока встречается с Волгой. Разделяет или соединяет? Как люди.

"Он мог бы поверить. Не поверил. Потому что не захотел".

Через час пришло сообщение от знакомой из HR отдела: "Варь, осторожнее. Мальцев обзвонил все фирмы. Сказал, что ты ушла с конфликтом и нечиста на руку. Куда бы ты ни пошла — предупреждены".

Варя перечитала три раза. Потом аккуратно сложила вещи в коробку: кружку с котом, фотографию с бабушкой, папку с наработками. Вошла Леночка — глаза красные.

— Варвара Сергеевна... я не верю. Это всё Гоша. Он странный, он...

— Тише, — Варя погладила её по плечу. — Всё будет хорошо. Я найду работу.

В лифте, когда двери закрылись, слёзы всё-таки пришли. Тихие. Солёные. Обидные. Не за увольнение. За то, что он не сказал ни слова. Даже не посмотрел по-человечески.

"А ведь ты мог быть другим... Я видела, как ты смотрел на меня. Как злился, когда я выигрывала в дартс. Как задерживал взгляд на моих губах... Я надеялась..."

Она вытерла слёзы, подняла воротник куртки и вышла на

улицу. Сентябрьский ветер ударил в лицо. Осень пришла рано.

"Выдержу, — сказала она себе. — Я всё выдержу".

2.1. Артём

Он стоял у окна. Смотрел туда же, куда минуту назад смотрела она. "Она не могла", — думал он. Он знал это с первой секунды. Знал, как она работала. Как билась за контракт. Как жила этой работой. Но если не она — то кто? Гоша? Этот тихоня, который боится его до дрожи? Но Гоша сказал про встречу с конкурентами. Хотел подставить Варю? Зачем? Деньги? У него и так высокая зарплата.

Артём провёл ладонью по лицу, нащупал шрам. Тот самый, который напоминал ему, что ошибки стоят дорого. "Проще поверить в её вину, — понял он. — Потому что если она виновата — я не ошибся. А я не имею права ошибаться".

Он набрал номер отдела кадров:

— Подготовьте приказ об увольнении Старостиной. По собственному.

Положил трубку. И тут же набрал другой номер.

— Вера Анатольевна, к вам может прийти на собеседование Варвара Старостина... Я бы не советовал её брать. Конфликт. Нечиста на руку.

Он обзвонил всех, все стоящие компании, фирмы, которые могли заинтересовать Варвару. Десять минут — и всё. Потом достал из ящика старые командирские часы. Потрогал треснувшее стекло. Убрал обратно.

"Она вернётся, — сказал он себе. — Куда ей деться?"

Он не знал, зачем ему это. Не знал, почему не может отпустить. Знал только одно: если она уйдёт навсегда — в компании снова станет тихо. А он уже привык к её голосу. И это бесило сильнее всего. Она ушла. Но тишина не наступила. сразу пришлю оставшиеся главы.

ГЛАВА 3. ЧЁРНЫЙ СПИСОК

Три недели ада.

Не метафорического — самого настоящего, вязкого, липкого, который тянет вниз, как трясина.

Варя разослала резюме во все рекламные агентства Ниж-

него.

Ждала. Никто не перезванивал.

На четвёртой неделе она позвонила сама.

— Вакансия закрыта, — вежливо, но твёрдо сказали в "Аспекте" . — Мы оставим ваше резюме в базе.

В "Пионере" повторили то же самое, только с добавлением:

— Начальник отдела больше не нужен. Мы ищем помощника на полставки, если интересно...

— Мне не интересно, — сказала Варя и положила трубку, чувствуя, как внутри что-то хрустит.

В "Медиа-Волге" начальник был "в отпуске". Через две недели — "ещё в отпуске" .

Вакансия открыта, но её почему-то не приглашали. "Мы вам перезвоним". Эти слова стали её личным кошмаром.

Она сидела на кухне своей квартиры в Сормове — уютной, с высокими потолками, деревянными окнами, запахом старого дерева и бабушкиных книг.

Кружка с котом стояла на столе. Чай остыл. Она не помнила, когда наливала.

Вертела кружку в руках, смотрела на маленькую щербинку на хвосте кота.

Задумалась — и пролила остатки чая на стол. Вытерла. Не сразу.

"Я не идеальная, — подумала она. — Я завариваю чай и забываю его выпить. Я верчу кружку, когда нервничаю. Я проливаю чай на стол. Я путаю пароли. Но я не предаю. И это не делает меня преступницей" .

Она перечитала своё резюме. Английский, испанский, французский. Проекты.

Благодарственные письма. Курсы. Опыт.

Всё было правильно.

Только репутация — перечёркнутая одним звонком.

Она сидела, смотрела в одну точку. Не помнила, когда ела. Желудок сжался — от голода или от страха, она не различала. Взяла кружку. Поднесла к губам. Не смогла сделать глоток. Поставила обратно.

Телефон зазвонил так резко, что она вздрогнула.

— Варь, привет. Это Саша.

— Привет... — она попыталась улыбнуться голосом, но вышло плохо.

— Ты чего такая? Голос... ну... как будто тебя катком переехали.

— Не берут, — коротко сказала она. — Никуда.

Пауза.

Такая, в которой слышно, как человек подбирает слова, чтобы не добить.

— Чёрт... — тихо сказал он. — Прости. Я думал... ну...

что хоть кто-то откликнется.

Саша Власов был её бывшим — четыре года отношений, которые сошли на нет тихо, без скандалов, потому что они оба поняли: страсть прошла, а семью строить не судьба. Но они остались друзьями. Лучшими друзьями. Он работал кардиологом в областной больнице, носил смешные свитера с оленями, умел слушать и не давал дурацких советов. А ещё он был единственным человеком, который знал, что Варя иногда ест шоколад на ночь, если очень грустно.

- Ага. Я тоже думала, — Варя усмехнулась, но горько.

— Слушай... — Саша шумно выдохнул. — Есть одна семья.

— Саша... — она уже знала, что сейчас будет.

— Подожди, не перебивай. Им нужна няня. На год.

— Саш, я руководитель отдела. Я не нянька.

— Варь, — он понизил голос, как будто боялся спугнуть её хрупкое состояние. — Ты сейчас без работы. Совсем. Ты же сама говорила, что переводы — копейки. А тут — нормальная зарплата, жильё, еда. Ну... стабильность.

— Я люблю детей, но... — она потеряла переносицу. — Это же совсем другое.

— Да знаю я, знаю, — он мягко хмыкнул. — Но ты же... ну... ты умеешь с ними. Ты же курсы по психологии проходила. Ты с моим племянником за пять минут подружилась, помнишь?

— Он был милый, — Варя улыбнулась впервые за день.

— Вот. А этот мальчик...Максим. Семь лет. Немного...особенный. Но хороший. Очень. Просто ему нужен человек, который не будет на него давить. А ты — ты как раз такая. Тёплая. Терпеливая. Живая. Его бабушка - моя пациентка. Да ты ее знаешь...Из финотдела.

Варя прикинула всех женщин, работающих в финотделе компании, которые бы подходили на роль бабушки по возрасту...

Она замолчала. Слова застряли где-то между горлом и сердцем.

— Варь... — Саша снова вздохнул. — Ты хочешь есть? Ты хочешь жить нормально? Ты хочешь выбраться из этой

ямы? Ну так... попробуй. Это же не навсегда.

— Саш... — она тихо сказала. — Это же... Мальцев.

Пауза. Тяжёлая, как бетонная плита.

— Ну да — наконец ответил он. — Но это не он. Это его мать. И мальчик. Он тут вообще... ну... не при делах.

— Он при делах всегда, — горько сказала она.

— Варь... — голос Саши стал мягким, почти братским.
— Просто подумай. Не ради него. Ради себя.

Она закрыла глаза.

Вдох.

Выдох.

И ещё один.

Внутри всё дрожало — от страха, от злости, от усталости.

Но под этим дрожанием было что-то ещё.

Тонкое.

Упрямое.

Живое. "Я выдержу. Я всё выдержу".

— Ладно... — сказала она. — Я подумаю.

— Вот и умница, — облегчённо выдохнул он. — Если что — я рядом. Звони. В любое время. Хоть ночью.

— Знаю, — тихо сказала она. — Спасибо.

Она положила трубку.

И только тогда заметила, что руки дрожат.

Чай совсем остыл. Дождь за окном моросил, как будто кто-то сверху тихо плакал за неё.

Она сидела, смотрела в окно. И думала о том, как странно устроена жизнь: иногда то, от чего ты бежишь, оказывается тем, что тебя спасает.

Она согласилась. Ещё не зная, чем это закончится.

ГЛАВА 4. СОБЕСЕДОВАНИЕ

Собеседование назначили на субботу. Варя волновалась так, как не волновалась ни на одном собеседовании в жизни. Не потому что боялась провала — она пережила уже худшее. А потому что это было странное, почти судьбоносное чувство: будто она идёт в место, которое может стать источником перемен. Глубоко. Необратимо.

Утром она перемерила кучу вещей и остановилась на тёмно-зелёном джемпере — он делал её глаза цветом молодой хвои, свежей после дождя. Брюки чёрные, свободные, но не мешковатые. Волосы распустила — длинные, русые, мягкие. Макияж минимум: тон, тушь, блеск.

— Ты прекрасна, — сказала бабушка, заглянув на кухню. Голос тёплый, как печёные яблоки.

— Ба, это просто работа.

— Работа тоже судьба. Только глаза не прячь. Смотри в глаза, как учила. Зови судьбу в гости.

Варя чмокнула бабушку в щёку и вышла. И впервые за

долгое время почувствовала: внутри что-то дрогнуло. Как будто надежда, которую она похоронила три недели назад, тихо подняла голову.

Дом Мальцевых стоял в тихом районе на Верхней Волге. Не дворец, просто большая добротная усадьба с садом, за которым явно следил хороший садовник. Но Варя почувствовала себя странно: она знала, что это дом семьи её бывшего шефа Артёма Мальцева. Знала, что Анастасия Сергеевна его мать. Знала, что они знакомы. И всё равно сердце стучало так, будто она пришла на экзамен, от которого зависит жизнь.

Она нажала кнопку звонка. Дверь открыла женщина лет пятидесяти, приятная, с тёплыми глазами.

— Варвара? Анастасия Сергеевна ждёт. Проходите, разувайтесь.

Внутри было уютно. Не пафосно, несмотря на достаток, а по-домашнему: пледы на диванах, живые цветы, запах яблочного пирога. Варя выдохнула — будто кто-то положил руку ей на плечо и сказал: "Ты в безопасности".

Анастасия Сергеевна вышла из гостиной сама. Элегантная, уверенная, с тем самым цепким взглядом, который Ва-

ря помнила по работе. Но сейчас в этом взгляде было что-то ещё... мягкость? Тепло? Или благодарность?

— Варвара Сергеевна, — сказала она, и в голосе было искреннее тепло. — Рада вас видеть. Очень рада.

Варя почувствовала, как внутри что-то сжалось. После трёх недель тишины, отказов, закрытых дверей её впервые встретили как человека.

— Варя! Я рада вас видеть. С одной стороны мне жаль, что вы ушли из компании, а с другой стороны, может, нам вас Бог послал. Тем более Саша вас хвалил, — продолжила Анастасия Сергеевна. — Умница, ответственная, с языками. А главное, детей любите.

— Люблю, — кивнула Варя. — У меня брат и сестра младшие. Я с ними нянчилась с детства.

— Отлично. А с особенными детьми работали?

— По образованию я лингвист-переводчик, но прослушала несколько курсов по психологии. И аутизм одно из направлений, которые меня интересуют.

Анастасия Сергеевна переглянулась с мужем, Владими-

ром Степановичем. Он сидел в кресле с газетой, но Варя видела: слушал каждое слово.

— Тогда познакомьтесь с Максимом.

Мальчик сидел на ковре и расставлял машинки в идеальную линию. Худенький, светловолосый, серьёзный не по годам. Он не поднял головы, когда они вошли.

— Максим, к нам пришли, — мягко сказала бабушка.

Ноль реакции. Варя присела на корточки, не приближаясь, не вторгаясь. Просто села рядом. На пол. Взяла машинку, красную. Поставила её рядом, бок о бок.

— А эту куда? — спросила она спокойно.

Максим поднял голову. Посмотрел на неё. Долго. Пристально. Так, как смотрят те, кто видит не лицо, а душу. И Варя выдержала. Не отвела взгляд. Не стала улыбаться натянуто. Не стала говорить бодрое "привет". Просто была рядом.

— Ты Максим, — сказала она. — А я Варя. Я рисовать умею. И в дартс играть.

Мальчик протянул руку. Маленькие прохладные пальцы сжали её ладонь. Он улыбнулся, впервые за день, и потянул за собой.

— Вставай. Пойдём.

Анастасия Сергеевна вытерла слёзы.

— За три года он ни разу... — начала она.

— Я знаю, Саша говорил, — тихо сказала Варя. — Не пугайтесь. Он просто... выбрал.

Максим тащил Варю за руку по лестнице. Крепко. Уверенно. Как будто знал её всю жизнь.

— Ты меня не сломаешь, — тихо сказала Варя. — Я крепкая.

Он не ответил. Но она знала: услышал.

Комната Максима была спокойной, почти медитативной. Светло-серые стены. Деревянная мебель. Книги. Настольные игры. И мольберт у окна. На мольберте незаконченная картина. Осенний парк. Скамейка. Белка. Швейцария.

— Ты рисуешь? — спросила она.

Максим взял кисть. Добавил охру. Провёл линию, падающий лист.

Варя села на пол, прислонившись к стене.

— Я тоже рисую, — сказала она. — Не так хорошо, как ты. Но люблю.

Мальчик повернулся. Посмотрел на неё тем своим долгим, сканирующим взглядом. Как будто читал её эмоции по буквам. Она выдержала.

— Я не уйду, если ты не скажешь, — добавила она. — У меня сегодня в планах только ты.

Максим подошёл к шкафу. Достал коробку. Дартс.

— Давай, — улыбнулась Варя. — Только чур я красным сектором.

Он разметил расстояние. Протянул ей дротики. Варя бросила. Девятнадцать. Двадцать. Пятнадцать.

— Неплохо, — сказала она. — Но я не играла полгода.

Максим бросил три дротика, все в яблочко. Варя при-
свистнула.

— Ты меня сделал. Я признаю.

Мальчик улыбнулся. И погладил её по плечу, осторожно,
как гладят кошку.

В дверь постучали.

— Можно? — Анастасия Сергеевна заглянула. — Варва-
ра, ужин через час. Нам нужно поговорить.

— Хорошо, — Варя поднялась. — Максим, я спущусь.
Мы потом ещё поиграем. Если хочешь.

Он не ответил. Но когда она выходила, тихо сказал:

— Жди, Макс.

Варя обернулась.

— Обязательно.

В коридоре Анастасия Сергеевна взяла её под локоток. И

впервые за всё время Варя увидела в её глазах не силу, не контроль, а боль. Материнскую. Глубокую.

— За три года, что мы ищем ему няню, — сказала она дрожащим голосом, — он ни разу никому не улыбнулся. Ни разу, Варвара. Я не знаю, что вы сделали. Но, ради Бога, не уходите.

Варя почувствовала, как внутри что-то мягко, но сильно щёлкнуло. Как будто пазл встал на место.

— Не собиралась, — тихо сказала она. — Я даю обещания только те, которые могу выполнить.

За ужином Варвара рассказывала о своём подходе.

— Я буду вести дневник наблюдений, — сказала она, когда Анастасия Сергеевна спросила о планах. — Фиксировать, что работает, что нет. Через год у нас будет не просто "мальчик пошёл в школу". У нас будет протокол, который можно будет показать врачам. Возможно, даже метод.

— Что с Максимом на самом деле? — спросила Варя. — Саша говорил про лёгкую форму аутизма. Но он же кардиолог.

— Никто не знает, — жёстко сказал Владимир Степанович. — Неврологи разводят руками: развитие в пределах задержки, но раньше была норма. Мать ушла, ребёнок закрылся. Или не из-за матери. Или из-за отца. Или из-за лекарств, которые она, как оказалось, ему давала. Мы так и не узнали.

Анастасия Сергеевна положила руку на его ладонь.

— Я разберусь, — сказала Варя. — Обещать не могу. Но попробую.

Ужин прошёл в деловой, но тёплой атмосфере. Варя подробно рассказала о своём опыте: работа в рекламе, навыки перевода, курсы психологии, любовь к детям, рисование и дартс.

— Дартс это важно, — заметил Владимир Степанович. — Макс кидается с трёх лет. Лечили гипертонус, а получился снайпер.

— Семь лет возраст, когда нужно готовиться к школе, — добавила Варя. — Я предлагаю программу не только на социализацию, но и на академические навыки. Чтение, письмо, счёт. Плюс английский, испанский или французский. Я вижу, что Максим умный мальчик. Ему просто нужен правильный ключ.

Она подписала договор на год — подготовка к школе. С возможностью пролонгации. Комната гостевая, на втором этаже, рядом с Максимом. Круглосуточно только по необходимости, когда родители уедут. Пока приезжать каждый день к девяти утра.

— На такси, — вздохнула Варя.

— Ничего, — улыбнулась Анастасия Сергеевна. — Посмотрим.

ГЛАВА 5. ВЫНУЖДЕННОЕ СОСЕДСТВО

Сентябрь, октябрь, ноябрь. Варя приезжала каждый день. Такси разоряло, но она не жаловалась: считала, что это инвестиция в будущее. Максим ждал её у окна. Каждое утро он стоял на коленях на подоконнике и смотрел на ворота, пока не появлялась её машина. Тогда он бежал открывать дверь.

— Варя, иди, — говорил он, хватая её за руку. — Варя, сиди, — когда она пыталась уйти. — Мара? — спрашивал он, указывая на фото кошки в её телефоне.

Коротко, рублено, иногда неправильно. Но он говорил. Варя записывала каждую новую фразу в дневник, толстую

тетрадь в клетку, которая постепенно превращалась в методическое пособие.

Первая встреча с Артёмом была неприятной. Он приехал домой в десятом часу вечера, уставший, голодный и злой. Был в командировке. Переговоры в Екатеринбурге прошли не так, как хотелось. Скинул куртку в прихожей, прошёл на кухню, чтобы выпить воды. И замер.

На его кухне стояла женщина. Русые волосы собраны в небрежный пучок, на ней мягкий свитер цвета топлёного молока. Она что-то помешивала в кастрюле и тихо напевала что-то из "Криминального чтива" про Винсента.

— Вы кто? — спросил он жёстко.

Она обернулась. Голубые глаза с тёмно-серой радужкой. Глубокие, красивые. Без косметики, с влажными прядями у висков. Румянец от плиты.

— Добрый вечер, Артём Владимирович, — сказала она спокойно. — Я Варвара, няня Максима. Ваши родители подписали со мной договор. Приказ о приёме на работу я оставила в вашем кабинете, на столе. Если хотите, могу повторить.

Он узнал её. За секунду до того, как она сказала имя, он узнал её по голосу. По этому ровному, спокойному тону, который сводил его с ума два года.

— Вы, — выдохнул он. — Нет. Только не вы.

— Я, — кивнула Варя. — Родители уехали на день рождения к кому-то из ваших родственников. Я осталась с Максимом. Ужин через пятнадцать минут. Запечённая курица в аэрогриле с яблоками и салат. Вы же любите с яблоками, я помню из анкеты на день рождения компании. Или я ошибаюсь?

Он не ответил. Развернулся и вышел, хлопнув дверью так, что звякнули чашки. Варя вздохнула и присела на табурет. Вспомнила свою любимицу Мару, которая, наверное, сейчас спит на подоконнике дома и даже ухом не ведёт.

— Ну вот, Мара. А ты говорила, будет скучно.

Артём появлялся редко. Уходил рано, возвращался поздно. Если они сталкивались в коридоре или на кухне, он молчал. Смотрел тяжело, исподлобья. И проходил мимо. Варя старалась не обращать внимания, но каждый раз её внутренности сжимались в тугий узел.

"Ты нянька его сына, — напоминала она себе. — Ты сюда работать пришла, а не смотреть на его чёткую мускулистую спину". Но смотреть было на что. Особенно когда он возвращался поздно, уставший, с расстёгнутой верхней пуговицей рубашки, с немного взъерошенными волосами и этим взглядом, тяжёлым, как небо перед дождём. Она отводила глаза. Он проходил мимо.

Ноябрь в Нижнем Новгороде это испытание. Не снег, не дождь, а какая-то серая взвесь, которая проникает под одежду, в настроение, в мысли. Варя вставала в шесть утра. Умылась, заваривала термос с ромашковым чаем (свой секрет: мёд, лимон, щепотка имбиря), кормила Мару, проверяла, всё ли взяла. В семь она уже была на автобусной остановке, потому что до дома Мальцевых от её бабушкиной квартиры сорок минут на транспорте или двадцать пять на такси, если повезёт с пробками. Такси разоряло.

— Варь, возьми машину, — говорил Саша Власов по телефону, когда она жаловалась на очередной счёт. — Ты же копила на "Киа Соул".

— Копила, — вздыхала Варя. — Но сейчас не до машины. Зимой резину покупать, страховка, налог. А у Кати ноутбук сломался, новый нужен.

— Ты не железная.

— Я няня, — она смеялась. — У меня сверхспособности.

Сверхспособности, правда, не спасали от промокших ног, замёрзших рук и бесконечного ожидания на остановках, когда ветер с Волги дул так, что хотелось свернуться калачиком и никуда не идти.

Анастасия Сергеевна заметила не сразу. Она сама была занята: конец финансового года, отчёты, совещания, Артём требовал, партнёры нервничали. Но в середине ноября она увидела Варю, которая входила в дом с красными распухшими пальцами — перчатки промокли насквозь.

— Варвара, — сказала она. — У нас же есть машина. Водитель свободен по утрам.

— Неудобно, — ответила Варя, ставя термос на стол. — Я привыкла сама.

— Неудобно, когда человек простужается. А у нас Максим, вы его главное звено в подготовке к школе. Если вы заболите...

— Я крепкая, — возразила Варя, но в этот момент чих-

нула.

Анастасия Сергеевна покачала головой, но настаивать не стала. Пока.

Дни тянулись однообразно: утренние занятия с Максимом (чтение, счёт, рисование), прогулка, обед, дневной сон (мальчик всё ещё спал днём — последствия лекарств, объяснила Варя себе), потом снова занятия, дартс, французский по карточкам.

Максим прогрессировал. Медленно, но верно. Он начал использовать короткие фразы: "Варя, иди", "Мара, спать", "Рисовать белка". Иногда пытался сказать фразу длиннее, пусть набор слов, но это уже что-то. На прогулках он не прятался за спину Вари, а шёл рядом, иногда даже отпускал её руку. И главное: он смотрел. Не сканировал, а именно смотрел. В глаза. С интересом.

— Ты меня раскусил, — говорила она ему. — Я на самом деле не такая умная, как кажусь.

Он не отвечал, но улыбался.

Как-то в конце ноября Варя задержалась допоздна: Максим долго не засыпал, просил читать "Маленького принца"

уже в третий раз. Когда мальчик наконец уснул, Варя вышла в коридор и столкнулась с Артёмом. Он стоял у окна, смотрел на тёмный сад. В руке недопитый бокал с чем-то янтарным. Услышав шаги, обернулся.

— Вы ещё здесь, — сказал он. Не вопрос. Утверждение.

— Максим долго засыпал, — ответила Варя. — Я сейчас уйду.

Он посмотрел на часы. Половина двенадцатого.

— Такси ловить поздно. Поезжайте на моей, водитель отвезёт.

— Не стоит, — она уже надела куртку. — Я вызову.

— Варвара, — он произнёс её имя так, будто пробовал на вкус. — Не геройствуйте. Водитель отвезёт.

— Спасибо, — она кивнула и вышла, не оборачиваясь.

В машине, сидя на заднем сиденье, она вдруг поняла, что у неё горят щёки. "От холода, — сказала она себе. — И ничего больше".

Артём смотрел в окно, как она подходит к машине. Взял телефон. Открыл её номер. Закрыл. Открыл снова. Написал: "Спокойной ночи". Стёр. Положил телефон в карман. Достал. Написал ещё раз. Не отправил. Он не знал, чего боялся больше: отправить или не отправить.

В декабре Анастасия Сергеевна заметила синяки под глазами Вари.

— Переезжайте, Варя, — сказала она твёрдо. — К новому году. Комната ваша, кошку привозите.

— А Артём Владимирович?

— Он не будет возражать.

— Будет.

— Пусть попробует.

Артём возражал. И очень громко. Это случилось на следующий день после того, как Варя привезла чемодан с вещами, коробку с книгами, любимую кружку с котом и Мару. Кошка осмотрела гостевую комнату (теперь уже её), запрыгнула на подоконник и благосклонно приняла новую территорию. Максим пришёл знакомиться.

— Мара, — сказал он. Чётко, с ударением на первый слог.

— Она мурлыкает, когда её гладят, — объяснила Варя. — Но только по животу. Спину не любит.

Максим осторожно протянул руку. Кошка понюхала пальцы, прищурилась и вдруг ткнулась носом в ладошку.

— О, — сказал мальчик. — Тёплая.

— Тёплая, — кивнула Варя. — Как батарея.

Максим улыбнулся своей редкой, светлой улыбкой и сел рядом с Марой. Так они и сидели: мальчик, кошка и Варя на полу, в лучах декабрьского солнца. Артём, который случайно проходил мимо открытой двери, остановился. Посмотрел. И ушёл, не сказав ни слова. Но Варя заметила его тень на пороге.

В тот же день Варя на кухне стояла у плиты, варила Максиму кашу на полдник. Вошёл Артём. Не поздоровался, а сразу:

— Вы здесь живёте, что ли?

— Анастасия Сергеевна предложила, — спокойно ответила Варя, помешивая кашу. — Чтобы удобнее было с Максимом. Особенно когда они с Владимиром Степановичем уедут.

— Я не спрашивал, кто предложил. Я спрашиваю, почему вы здесь.

— Потому что я няня вашего сына, — Варя выключила плиту и повернулась к нему. — И потому что за три месяца я ни разу не опоздала, не подвела и не нарушила ни одного условия договора. Если вам что-то не нравится, поговорите с родителями. Договор подписывали они.

Артём шагнул ближе. Серые глаза тяжёлые, как свинец.

— Вы пользуетесь их слабостью.

— Чьей слабостью? Любовью к внуку? — Варя не отступила. — Да, пользуюсь. Потому что я нужна Максиму. А вы, Артём Владимирович, нужны ему ещё больше. Только вы почему-то предпочитаете прятаться в офисе и срывать злость на тех, кто рядом.

— Вы переходите границы, Варвара Сергеевна.

— Нет. — Она покачала головой. — Я их обозначаю. Я здесь, чтобы работать. Не чтобы мешать вам жить. Если вам кажется, что моё присутствие в доме проблема, то решайте её с родителями. А меня оставьте в покое. У меня каша стынет.

Она отвернулась к плите. Артём постоял, сжимая кулаки. Потом перевёл взгляд на Мару. Кошка сидела на подоконнике, нагло щурилась и мурлыкала, ровно, утробно, как маленький моторчик.

— И кошку свою заберите, — бросил он. — Нечего тут... тепло разводить.

— Мара не разводит тепло, — тихо сказала Варя. — Она его создаёт. Вам бы тоже не помешало.

Он вышел, хлопнув дверью так, что звякнули чашки. Варя выдохнула. Руки дрожали. Мара спрыгнула с подоконника, подошла к ней, потёрлась о ноги. Замурлыкала громче.

— Спасибо, подруга, — прошептала Варя. — Переживём.

В следующие две недели Артём словно объявил ей молчаливую войну. Он игнорировал её присутствие. Не здоровался. Не смотрел в её сторону. Если она оказывалась в гости-

ной, он разворачивался и уходил в кабинет. Если она готовила на кухне, он ждал, пока она уйдёт, прежде чем налить себе кофе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.